

Виктор Борисов

БУМАГИК I

МАШИНА ВООБРАЖЕНИЯ

«НИКТО НЕ СПАСЁТ ВАС ОТ СОБСТВЕННЫХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ».

Бумагик

Виктор Борисов

Бумагик. Машина воображения

«Автор»

2026

Борисов В.

Бумагик. Машина воображения / В. Борисов — «Автор»,
2026 — (Бумагик)

Бумагик Тенешрифт отправляется в город N внутри погибающей фантазии автора ненаписанной книги, чтобы спасти персонажей от исчезновения. По пути он знакомится с печатной машинкой Эрикой, способной воровать мысли. Что из этого получится и причём тут машина воображения? Если вы любите проводить время в компании необычных персонажей, наблюдая за причудливыми искажениями реальности, и при этом чувствовать себя вполне уютно, то вы пришли по адресу. Первая книга в серии, рассказывающей о работе Тенешрифта в загадочной Башне бумагиков города Манускрипт, сотканного из воображения. А еще эти книги о том, что воображение лучше держать разогретым. А также о ненаписанных книгах, библиотеках, книговыжималках, идеях в человеческом облики, ножницах, чернилах, мантиях, линейках для измерения мыслей, Вечной Ночи, чердаках, этажах Башни, огромных пушистых животных и много о чём ещё.*Бумагик — особая профессия, представители которой помогают идеям работать над собой и воплощаться в реальных мирах.

© Борисов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Знакомство на миллион слов.	5
Глава 2. Разборки в четырёх-с-половиной-этажном доме.	10
Глава 3. Говорящее ухо.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Виктор Борисов

Бумагик. Машина воображения

Глава 1. Знакомство на миллион слов.

Тенешрифт снова открыл дверь на седьмом этаже Башни, ведущую Куда Угодно, и оказался в очередной заброшенной фантазии.

Необходимо было достать все идеи из забытого города N.

Автор ушёл и забрал воображение с собой. Идеям больше нечем было питаться. Персонажи ненаписанной книги слабели и исчезали. Их нужно было спасти.

Когда-то автор горел этой историей, но она перестала его вдохновлять и работа над книгой остановилась. Но воображение уже оживило вымышленную вселенную, пусть и размером всего лишь с небольшой уютный приморский городок.

Ну как приморский... за пирсом и пляжем сплошная серость вместо воды. Ничто. Ни одному из героев книги не приходило в голову искупаться в море — автор не хотел заморачиваться.

Зато в городке было довольно оживлённо и странно — по большей части от непродуманности.

Тенешрифт начал поиски с библиотеки. Попадая в очередной город N, он всегда действовал так первым делом. Если не считать того, что как только он понимал, где находится, прижимал ладонь ко лбу и с досадой, отчаянием и ненавистью произносил:

— О нет, только не очередной город N! Автору лень было даже дать городу название...

Ему не нравилась вычурная нелогичность недовыдуманных городов. Пусть он и любил странное, но красиво странное, а не то, что вызывает смешанные чувства и тревожность, как часто бывает в городах N.

Открывая двери на седьмом этаже Башни, Тенешрифт всегда надеялся попасть куда-нибудь ещё, чтобы достать очередное завалявшееся воображение, впечатления и идеи, а не угодить в ненаписанные книжки.

— Большое воображение! — добавлял Тенешрифт.

Первым его противником в городе оказалась печатная машинка, ворующая мысли и превращающая их в бессмысленные рассказы и книги. Последнее она не осознавала. Ей казалось, что она вполне себе гениальна. Она получала удовольствие от перестановки мыслей местами. «Не всё писать под диктовку!», — радовалась она.

Печатная машинка прицепилась к Тенешрифту возле горбатого моста через узкую городскую речку по пути в библиотеку. Тенешрифт почувствовал, будто из середины его головы вытаскивают ленту. Весьма неприятный специфический зуд, за которым следовало хаотичное несвязное мышление. А потом обычно наступала безмысленная тупость, пока машинка не наелась бы чужого воображения.

Но Тенешрифт был бумагиком седьмого этажа Башни, а значит, достаточно опытным в таких делах, поэтому, почувствовав, что что-то не так, он сразу схватился за ножницы «Правда и Вымысел». Ножницы — привычное оружие бумагиков, разрезающее идеи, чары и нежелательные проявления реальности напряжением смысла между противоположными понятиями.

«Сражаться с печатной машинкой, ворующей мысли — сплошная трата воображения», — подумал Тенешрифт свои обыденные мысли, тем самым показывая машинке, что он не боится, а следовательно, стоило бы бояться его.

А печатная машинка щёлкала на него клавишами и виляла из стороны в сторону, словно кошка перед атакой.

Тенешрифт представил, сколько ещё подобных неприятных идей и созданий мог приютить город N — убежище для непродуманных, недоведённых до ума фантазий. И ему аж стало дурно.

«Прекрасно».

И тут он решил поддаться машинке, чтобы она вытянула из него эти хворающие мысли.

«Посмотрим, что ты теперь станешь печатать, — подумал Тенешрифт, прикидывая, каким образом он спровоцирует печатную машинку навести его на след идей. — Ты будешь моей ищейкой».

«Жаль, что Пероклякс не видит», — вспомнил он друга, как часто делал в тяжелый момент.

Тенешрифт достал из кармана чёрной мантии, сотканной из слов, фиолетовый бутылёк небесных чернил, отливающих голубым светом на поверхности, и быстрым движением выпил в один глоток.

Печатная машинка заинтересовалась: Тенешрифт стал полон свежего, невиданного здесь давненько воображения, с тех самых времен, как автор оставил работу над книгой.

Печатная машинка решила, что не стоит воровать мысли Тенешрифта. Пусть уж лучше они останутся в его голове, иначе она просто не знает, что с ними делать. Ей показалось, что она ни за что не сможет их удержать, не повредив, а сломанные они уже не будут такими красивыми. Было бы, конечно, здорово, подумала она следом, если этот странный человек в чёрной мантии сядет писать и потрогает её клавиши. Но воровать его мысли, как у писателя, что давно ушёл, она не станет. А уж тем более не станет подкидывать вместо ворованных мыслей свои идеи, более подходящие по её мнению.

В общем, такого разогретого и бушующего воображения машинка давно не видела, да и скорее всего вообще никогда. Ей даже захотелось стать чем-то большим, чтобы испытать и почувствовать все эти впечатления ярче и объёмней.

И она стала человеком. Девушкой. Миниатюрной, но не низкой. Локоны почти кудрявые. Одна прядь черная, другая белая, вперемешку. Строгое длинное чёрное платье с широким подолом, которое производило впечатление неформальной одежды и было весьма удобно в движении. Обувь уж точно не туфли на каблуках — классические чёрные ботинки. И всё это она сделала с собою сама, значит, всегда могла так сделать. «Отчего же не сделала раньше?» — задавалась она вопросом.

Так показалось ей, но Тенешрифт был тем, кто сделал из неё человека с помощью кусочка зеркала в хрусталике своего левого глаза. Зеркала с первого этажа Башни, где идеи получали человекоподобную форму. Зеркала из Палаты дверей и отражений.

И в человеческом облике она увидела Тенешрифта более отчетливо: больше физическую форму, чем состав мыслей.

Какой-то бледный человек. Высокий. Волосы прямые, гладкие, как застывший водопад черноты. Длинная мантия, странная, будто кто-то взял кучу книг, вытряхнул строчки чёрных слов и спрессовал их, а затем придал форму одежды. Мантия из слов. А на воротнике блестела звездой серебряная брошь в форме кавычек.

Она улыбнулась Тенешрифту:

— Эрика Денсмор. Приятно познакомиться. Или вам не очень приятно? Не слишком-то понятно по вашему выражению, — сконфуженно улыбнулась, ожидая реакции на безэмоциональном лице бумагика.

— Отнюдь.

Пока что всё происходило даже лучше того, на что Тенешрифт рассчитывал. Ведь он-то уже давно привык разрабатывать в голове возможные концы света, чтобы ко всему быть готовым. Особенно после того случая с Леттерлинком во времена, когда он работал на шестом этаже. Он тогда ходил по делам во вполне реальные человеческие миры. От этого его волосы

постоянно торчали во все стороны, словно резкие штрихи перьевой ручкой. Но теперь ему стало скучно от выдумывания неприятностей наперёд.

Эрика сделала шаг навстречу, с удивлением обнаружив, что ходить — это очень приятно. До мурашек. Она спросила:

— Как вы сюда попали? Кто вы? Зачем вы здесь? Вы ведь точно не одна из этих выдумок. Вы — нечто иное, — она сделала этот очевидный вывод, потому что не смогла подпитаться воображением незнакомца. Она привыкла, что город N превратился в арену борьбы идей за продление жизни путём отнимания воображения друг у друга.

— Мне пригодилась бы твоя помощь.

— О, я рада помочь, чем смогу, — с охотой ответила Эрика Денсмор. — Правда, я не очень-то верю, что у меня что-то получится. Мои чернила давно засохли. К сожалению, пришлось даже пасть до воровства воображения.

— Пей.

Тенешрифт протянул серебристый флакон с обычными чернилами воображения, что использовались для сотворения большего вида бумаги. Флакон напоминал формой тонкую лампочку.

— Что это? — удивилась Эрика, но руку подставила и флакон приняла.

— Лекарство. Это поможет тебе помочь мне, печатная машинка. Не забывай, без тебя писатель не смог бы работать. Такой уж у него был писательский процесс. Так что помогать осуществлять задуманное — твоя природа.

Эрика мало что поняла, да и в целом была не согласна с умозаключениями бумагика. Слишком уж уверенно тот звучал. А она привыкла иметь дело с сомнениями и считала, что уверенным в себе людям чаще свойственно ошибаться. Писатель был очень неуверенным в себе человеком, и это ей нравилось. У него на всё было противоречивое мнение, одно интереснее другого. И вот теперь приходилось терпеть кого-то ещё. Одновременно отталкивающего и притягательного.

— Как вас зовут? — спросила Эрика. Она решила, что не будет пить ничего, полученного из рук незнакомца.

— Тенешрифт.

— Кто вы?

— Бумагик седьмого этажа Башни.

— Что это значит?

— Я работаю в Башне. Помогаю идеям оформиться и воплотиться в реальности. Это основная цель Башни, но, конечно, как и в любой профессии, не обходится без сопутствующей занятости. По этой причине я здесь. Помогите мне эвакуировать из этой забытой фантазии тех, кого ещё можно спасти. Здесь наверняка полно хороших идей. Ну или не очень хороших. Главное, что живых. У каждой идеи должен быть шанс исправиться и воплотиться.

— Ах, вот оно что!

Эрика ни одному слову не поверила, но наполнилась энтузиазмом. Она привыкла верить в чудо вопреки всему. Да и странно это, вот так жить, а потом узнавать, что ты выдуманный. Но это она уже прошла давно, когда реальность вокруг стала сыпаться. Жила себе жизнь печатной машинки, особо не догадывалась, что что-то не так. А потом даже научилась передвигаться, используя силу воли. Это всё в прошлом. Но Эрика всё равно удивилась. Просто не знала, что после всего пережитого наступят ещё новые озарения.

— Я, конечно же, помогу. Я знаю многих. Некоторых. Из тех, кто не прочь бы выбраться. Вы ведь подыщите им новые книги?

— Сначала они попадут в город бумагиков — Манускрипт, а там будет видно. Кто в книги, кто в головы учёным, кто к художникам... да много вариантов. Как решит это наше

мироздание... оно-то, конечно, не решает ничего, просто так удобнее думать. Подходящим людям приходят подходящие идеи. С обеих сторон все должны быть готовы.

— Замечательно. Я знаю... Качалку Грего, Путру Сушительницу, Рап Табу и... как его... Д. Книга. Он так себя и называет, Д-э-э Книг.

«Д. Книг! Да что тут забыл этот пройдоха? Нужно быть внимательнее. Там где Д. Книг — всегда неприятности похуже чернильных».

— Отлично. Тогда пей и приступим к спасательным работам.

И Эрика выпила.

— Любые идеи заслуживают второй шанс на воплощение, — повторил Тенешрифт. — Даже сто второй. Если идеи приходят в голову — значит — это кому-нибудь нужно. Вот почему. А теперь сосредоточься-ка лучше на своих ощущениях. Я ещё успею тебя заболтать.

Эрика почувствовала приятное тепло, разливающееся по всему телу. Ей захотелось больше чернил.

— Ещё! — сказала она требовательно и протянула обе руки. — Я так высохла! Выпитое только напомнило мне насколько!

Где-то на задворках сознания Эрика понимала, что наглость может сыграть против неё самой. Ведь кто она? Всего лишь забытая идея, доживающая в оставленной автором фантазии. Та, которую не увидит ни один читатель. Отверженная и ожидающая распада. Автор выдумал её когда-то и выдумал для неё несуществующего писателя, о котором и писал книгу. Точно в этой последовательности. Хотя бы за это признание спасибо. Но что теперь...

— Держи.

Тенешрифт протянул два флакона. Бумагик чувствовал, что Эрика способна эффективно помочь с эвакуацией идей. Ведь она была идеей автора о печатной машинке, пишущей напрямую из мыслей. Полезное свойство, если хочешь обезоружить противника в битве, где решают смекалка и воображение. А к тому же так можно узнать сокровенную правду и к любому найти подход. Поэтому Тенешрифт не скупился.

Конечно, запас чернил ограничен, и они пригодятся для сотворения бумаги, но Тенешрифт прикинул, что сколько ни старайся, это не поможет в заведомо проигрышной ситуации. А с Эрикой появлялся очень даже реальный шанс вытащить бедолагу и получить за эту работу небесные чернила, чтобы самому не высохнуть. Шанс достаточно реальный по меркам воображения.

Эрика влила в себя ещё два флакона.

— Всё! Я — супер!

— Подожди.

— Чего?

— Эффекта.

Спустя несколько секунд Эрика поняла: и правда, не стоило пока двигаться опрометчиво. Она почувствовала, что её «удочка» стала значительно длиннее. Теперь радиус для воровства мыслей охватывал практически весь город N.

Тенешрифт заметил понимание на лице девушки, она показалась ему внезапно проснувшейся совой.

— У-у-у, — протянула Эрика Денсмору по-совиному. — Я отчетливо знаю, где находится каждый обитатель города, — она имела в виду каждую живую идею.

Тенешрифт ещё раз порадовался ценности приобретённого союзника.

«Везёт же некоторым», — подумал он о себе.

— Начнём с тех, кому хуже всего, — Тенешрифт подошёл к девушке почти вплотную, но та не отстранилась. — Веди, и возможно, мы успеем спасти их.

Эрика поняла, что если бы не чёткие указания Тенешрифта, она бы одновременно пошла на все четыре стороны, влекомая вкусными мыслями, а это, конечно, просто бы её разорвало.

И она улыбнулась тому, как ей вдруг повезло познакомиться с бумагиком. Ведь Эрика была идеей, и без автора и читателей её ждало забвение. Был всегда, конечно, вариант, что она придёт в голову изобретателю, когда выберется из погибающей фантазии, но Эрике ближе была литература и кинематограф. Ну, в крайнем случае стихи. Такие у неё были предпочтения.

Так и состоялось взаимовыгодное знакомство Тенешрифта и Эрики Денсмор. Впереди их ждал миллион совместных слов.

Глава 2. Разборки в четырёх-с-половиной-этажном доме.

Эрика привела Тенешрифта к четырёх-с-половиной-этажному дому на отшибе. Причём отсутствовала половина третьего этажа.

— Здесь, — она указала на половину третьего этажа кирпичной многоквартирной постройки серого цвета. — Не знаю даже, как мы поместимся, но я чувую, что Кларин Подложев там. И ему очень плохо. Хуже всех в этом мире.

— Понимаешь ли ты, почему?

— Сейчас. Секунду. Да. Ему невыносимо скучно. Надо скорее спасти его, пока он не помер от скуки.

Эрика кинулась ко входу в подъезд.

— Подожди.

Тенешрифт поймал девушку за руку. Он не сжимал сильно, но двинуться было невозможно. Ещё бы, ведь бумагики знают, как обращаться с идеями.

Можно сказать, что Эрика, как печатная машинка, привыкла чутя идеи и отзываться на них без задних мыслей. Ведь это то, для чего её использовал автор. Правда, когда ей захотелось творить самой, она стала воровкой и вольна была выбирать. А автор думал, что его вдруг постигло озарение, когда печатная машинка подсовывала ему мысль вместо украденной. Она уже плохо понимала, но, кажется, Кларин был её собственной идеей.

— Теперь что-то вспомнила? — спросил Тенешрифт.

— Да... но я не уверена, что этой памяти можно доверять.

— Первые признаки расставленной ловушки. Что ты помнишь о Кларине?

— Он, ну... весёлый и немного замкнутый в себе. Ему очень нравятся интерьеры и бродить по всяческим домам, смотреть на быт внутри. Он — идея о бесконечной комнате. Описывать такую можно вечность. В какой-то момент автор даже попытался, но у него не вышло так хорошо, как я это видела.

— Иди за мной. Не отставай. Не предпринимай действий, пока я не скажу.

— Ладно.

Эрика улыбнулась и подумала, вот бы всё-таки своровать пару мыслей Тенешрифта, а то ей становится как-то скучно. Будет интересно попытаться их не разбить.

Тенешрифт заметил, как потускнели глаза девушки, пропал искристый блеск.

— Здесь тебе будет всё хуже. Ты под влиянием другой идеи, которая теперь-то голодает куда больше тебя. Такие пустоты засасывают воображение, если не уметь сопротивляться.

— Да. Я чувствую скуку...

— Но ты пойдёшь со мной. Ничего не бойся. Я — бумагик. Даже если тебе станет плохо, всё будет хорошо в итоге. Я знаю, что делать.

— Хорошо, я не против. Не надо меня уговаривать. Я уже поняла, что не погибнуть здесь смогу, только помогая тебе. Ты меня этими чернилами прикормил... — девушка сверкнула жадным взглядом на бумагика.

— Не надейся, что я выдам их тебе по требованию. Мне они самому нужны. Ты уже достаточно заправила.

— Ладно-ладно, полегче.

Тенешрифт подошёл к подъезду четырёх-с-половиной-этажного дома. Эрика шла за ним. Она так торопилась за этим надменным бумагиком, похожим на кляксу чернил, что её внутренняя сущность начала проявляться: на каждый шаг в воздухе звучало щёлканье, будто кто-то неистово стучал по клавиатуре печатной машинки.

Воздух в подъезде был слишком сухой, здесь давно не думали ничего свежего. Зелёная краска облупилась так, что сквозь неё стало видно далёкое прошлое, вплоть до триасового периода. А кафель под ногами хрустел и лязгал, даже когда на него не наступали, просто чтобы обозначить своё присутствие в тексте. В целом ничего необычного. Подъезд, каких много.

Тенешрифт прокашлялся и сказал, поднимаясь по ступенькам:

— Как же тут душно и тревожно...

— Тревожно? — удивилась Эрика. — Душно-то да, но тревогу я не чувствую. Почему тревожно? Мне тоже надо беспокоиться? Что за тревога такая вдруг? Я понять не могу? Откуда? Почему? А? Мне вот вроде не тревожно совсем. Не тревожно ведь? Так что, я беспокоиться должна?

— По этому поводу — нет. Кажется, кто-то просто недавно обидел этот подъезд.

— А... тогда я попытаюсь его порадовать.

— Мы уже на втором этаже...

— Никогда не поздно сделать доброе дело.

Эрика остановилась. Тенешрифт тоже задержался: стало любопытно. Его интересовали необычные происшествия: из них можно почерпнуть новые впечатления для сотворения всяческой специфической бумаги. Тенешрифт всегда стремился пополнить арсенал. Никогда не знаешь, где вдруг пригодится какое-нибудь пережитое давным давно чувство.

Эрика подняла левую ногу, согнутую в колене.

— Это ещё зачем? — спросил Тенешрифт, ожидая, как ему показалось, что девушка врежет ногой по стене и всё это красочное окно в прошлое треснет и посыпется.

— Это чтобы привлечь внимание подъезда. Я ведь ему хочу оказать услугу. Будет тупо, если в это время его внимание окажется обращено вообще в другую сторону. Пока только с тобой сработало.

— Не только.

Тенешрифт не мог не признать логичное замечание Эрики и порадовался, что девушка на его стороне. Наверняка у неё получилось бы неплохо заморочить ему голову, окажись она оппонентом в бумагическом противостоянии.

— И что дальше? — спросил Тенешрифт скептически, чтобы сбросить со своего ума излишние пути очарования Эрики Денсмор.

— Спасибо, подъезд! — сказала Эрика радостно. — Хоть в твоём доме не достаёт целой половины этажа, но ты не жаловался, не ныл, не бросил своё дело и не отвернулся сам от себя! И поэтому мы всё ещё можем ходить здесь, подниматься на нужный этаж. А ведь нам надо наверх. На половинно-третий этаж. Спасибо!

Довольная собой Эрика улыбнулась широкой улыбкой и прозвучал дзыньк, будто каретка печатной машинки достигла края строки.

Произошло странное движение во всём доме, и скептицизм Тенешрифта развеялся. Он понял, что пока надо не думать, а держать равновесие тела, ведь обычные ступеньки лестницы превратились в движущийся эскалатор.

Эрика смеялась и подпрыгивала, а Тенешрифт хранил сосредоточенность, опустив руку к ножничной кобуре на поясе: мало ли какой чертовщиной могут обернуться всяческие чудеса.

Эскалатор поднял их на половинно-третий этаж и превратился обратно в лестницу.

— Вот видишь! — Эрика гордилась собой и разглаживала подол платья.

Теперь она чувствовала, что статус её стал куда выше, и поэтому хотела выглядеть опрятно. В городе, сотканном из воображения, это вполне получалось. Она стала производить впечатление леди с высокими светскими манерами.

А половинно-третий этаж выглядел до обидного обычно. В этом случае название вызывало ложное ожидание причудливости.

«Непростительная лень автора, — подумал Тенешрифт. — Да кто вообще захочет такое читать?..»

«Если эту книгу автор бросил, — продолжал он ворчать, — то потому только, что она довела его до изнеможения скукой. Благо что, несмотря на лень, с воображением у него всё было по высшему разряду. На нём тут всё и продолжает держаться».

Тенешрифт сразу понял, чем грозит промедление, и без дальнейших размусоливаний открыл старую коричневую дверь в квартиру.

Снаружи, из коридора, прихожая выглядела безопасно. Телефонная тумбочка, желтые обои, вешалка, обувница.

— Я здесь! — донесся изнутри сдавленный мужской голос. — Скорее! Спасите меня! Я больше не могу без действия в этом тексте! Мне невыносимо скучно! Никто не знает насколько!

Тенешрифт вопросительно посмотрел на Эрику, она отозвалась:

— Кларин! Подложев Кларин! Это точно его голос!

И без раздумий Тенешрифт вошёл в прихожую. Эрика юркнула за ним.

Но когда Тенешрифт зашёл в квартиру, всё стало иначе. И правда, ведь другие люди не виноваты, что кому-то приходится жить на половинном этаже, им-то просто надо подняться к себе на вполне полноценный четвёртый.

Потолки здесь, конечно, были ниже обычного, но жить можно — чебурек ко всему прилипает.

В следующий момент Тенешрифт обнаружил, что стоит в центре обжитой гостинной заваленной декоративными подушками. На стенах висели три штуки разных механических часов, и все они тикали не в такт друг другу. Время разваливалось на части от невозможности определиться с правильностью и верностью собственных показаний. Часы вращали каждые по-своему.

Вокруг плясала в подвижном безумном хороводе сама с собой Эрика Денсмор, наполняя пространство звуками печатной машинки. Она смеялась и получала максимум удовольствия от жизни. Только Тенешрифту было отнюдь не весело. Звавшего на помощь мужчину видно не было.

— Ха-ха! — смеялась Эрика, продолжая танцевать.

— Что с тобой происходит? — Тенешрифт знал что, но ему были важны субъективные показания жертвы чар другой идеи, чтобы получить полную картину их воздействия, начиная с впечатлений пострадавшего.

— Ха-ха, что-то прекрасное со мной происходит! — звук печатной машинки усилился. — Ура! Наконец-то что-то интересное! Что-то любопытное! Мне так надоел автор, который на мне работал. Я изучила его мышление и воображение, и так и сак и наизнанку... а теперь! Ну, в общем!

«Девушка не в себе», — подумал Тенешрифт. — «Очевидно, она попала в ловушку».

Тенешрифт расстегнул кобуру на поясе и выхватил ножницы из ножничных ножен внутри — одно лезвие черное — ложь, другое золотое — правда. Ножницы «Правда и Вымысел».

Бумагик резко схватил Эрику, чтобы вместе с ним она тоже могла видеть правду.

Тенешрифт разомкнул лезвия ножниц.

И увидели они истинную суть происходящего.

Конечно, комната была ловушкой. Это была комната с бесконечным описанием. Устроена по принципу фрактала. Повсюду, на уровне сознания, Тенешрифт и Эрика видели бесконечный узор, созданный из слов с описанием комнаты. Сколько ни углубляй сознание во фрактал, комната лишь обрастает деталями.

— Видишь! — сказал Тенешрифт. — Это комната с бесконечным описанием: мечта графомана — кошмар для читателя. Полная чушь! Можно навечно застрять здесь, пытаюсь её описать или прочитать!

— Да! Именно так! Всегда что-то новое и неожиданное! Мне всегда будет о чём пощёлкать.

— Очнись! Разве ты не видишь, что это всё описания одного и того же, просто другими словами?!

— Не вижу! Счастье в неведении!

Тенешрифт понял, что в текущем состоянии девушка для него полностью потеряна. Она увлеклась своей же идеей, которую когда-то придумала, позаимствовав чужое воображение, а от этого идея казалась ей гениальнее и слаще. Нужно было срочно спасать её от самой себя, иначе она рано или поздно растворится здесь в неизвестности, растеряв оставшиеся крупинцы воображения на одно и то же раз за разом.

Тенешрифт достал из своей мантии, сотканной из слов, лист бумаги, полученный из страниц ненаписанных книг. И вытащил перьевую авторучку, корпус которой сделан из осколка Вечной Ночи, спящей над городом Манускрипт, чтобы бумагикам встречаться во снах. Ручка была заправлена чернилами воображения, полученными с помощью книговыжималки из книги, которую читали люди с пристрастием не спать по ночам — они, через прочтение текста, и зарядили будущие чернила особым ночным настроением, что так ценил Тенешрифт.

На бумаге Тенешрифт написал: «Противно быть рабом иллюзии. Отдаёшь время жизни по самому дешевому тарифу — бесплатно». Вложил сопутствующее чувство в текст — лёгкое отвращение, когда испытывать сильное отвращение — слишком большая честь. Прилепил бумажку на лоб Эрике.

Девушка мгновенно прекратила танцевать. Буквы исчезли с листа. Мысль вместе с чувством впитались в сознание девушки. Лист рассыпался на невидимую глазу крошку.

— Я поняла, — сказала Эрика серьёзно. — Ты прав. Хоть это и неприятно. А что это за бумага такая? Знаешь ли, сугубо профессиональный интерес.

— Это бумага ненаписанных книг.

— Что за книги такие?

— Ненаписанные. Автор не дал им своего воображения, поэтому у бумаги из таких книг есть потенциал воплотить что угодно. В обмен на воображение, конечно. Главное, не увлечься и не высохнуть.

— И где найти такие книги?

— Потом расскажу. У нас тут дело.

— Какое?

— Мне нужна информация от тебя.

— Какого рода?

— Как тебе это всё пришло в голову?

— А... да просто... мне надоели скучные описания автора. Я воровала его описания, когда могла... в моменты его отвлечения... подсовывала свои. Мне они больше нравились. В итоге я решила, что пускай они сами себя плодят. Мир же из одних и тех же слов состоит, просто по-разному перемешанных. Но начальную любопытную форму я сама задала. Чтобы, как говорится, по образу и подобию. Но, видимо, Подложева мои описания всё равно не порадовали. Ужасно да, когда вынужден родиться тем, кем родился, и не можешь порадовать сам себя?

— Конечно. Но там ведь действий никаких. С ума сойдешь.

— Да... ладно... что делать?

— Доставать Подложева твоего. Идея выдумала идею... чего только ни бывает.

— Да, всякое... что-то ещё рассказать нужно?

— Нет. Всё ясно.

Тенешрифт достал линейку для измерения мыслей. Чёрная линейка с белыми словами, написанными очень мелким почерком, так, что всё сливается в одну сплошную мазню. Ведь нужна уйма места, чтобы описать все возможные размеры мыслей. При обнаружении нужной длины на поверхности линейки остаётся лишь описание верного значения.

Тенешрифт прикинул, что длинна мыслей Эрики, исходя из её слов, была где-то два абзаца. Потом она обычно начинала новую мысль. Поэтому можно предположить, что и та самая идея имеет привычную девушке длину.

Линейка в руках Тенешрифта чуть укоротилась, подстраиваясь под искомый размер.

Тенешрифт приложил линейку к фракталу, — что насквозь пропитывал сознание и плескался вокруг по квартире, — чтобы отыскать нужный фрагмент. Суть удалось вычленив быстро, спасибо линейке.

Семь раз Тенешрифт отмерил и сделал два уверенных щелчка ножницами.

Фрактал распался. Осталось два абзаца. Тенешрифт держал их в руках, текст идеи свисал с ладони, словно завядший лист.

С помощью кусочка зеркала в хрусталике левого глаза Тенешрифт дал идее человекоподобную форму.

На полу обычной гостиной с непривычно низким потолком, которую описывать стало бы моветоном, появился, сидя на полу, мужчина средних лет с короткой стрижкой, блондин. Был он одет в деловой синий костюм. По профессии дизайнер. Кларин Подложев.

— Спасибо! Я Кларин! Спасибо, что достали. Я очень увлёкся этим своим проектом. Я сам себя мучил. Всё пытался найти идеальный вариант... а нет ничего идеального в этом мире... кроме полного отсутствия, конечно.

— Кларин! — крикнула Эрика и полезла обниматься, опустившись на колени рядом с мужчиной.

Тенешрифт улыбнулся, пока никто не видел. Объятия затянулись.

— Нужно спасти остальных, — сказал бумагик.

Кларин поднялся с пола. Ростом он оказался почти таким же высоким, как Тенешрифт, только здесь обоим приходилось держать голову набок, чтобы не задевать потолок. Кларин заговорил. Перебить его было невозможно, потому что в этом месте автор дал ему реплику:

— Ой, никто на меня не охотился, как на других. Я просто стал жертвой самого себя, — говорил он с явной гордостью за последнее. — И, конечно, где же ещё я мог поселиться, как не в четырёх-с-половиной-этажном доме? На самом лучшем — половинно-третьем этаже. Естественно. Только здесь я чувствую вдохновение. Я так понимаю, мы тут ещё ненадолго благодаря вам? Господин... — посмотрел вопросительно на бумагика.

— Тенешрифт.

— Приятно познакомиться, — идеи чувствуют природное предназначение бумагиков. Тянутся к ним, как замерзающий тянется к источнику тепла, понимая, что им пришли помогать. — Я предлагаю собираться в этой квартире. Место уже обжитое, и я докажу вам это, приготовив кофе с привкусом атмосферы родного дома именно в те моменты, когда всё там было хорошо и счастливо... Так что заранее не пугайтесь.

Кларин тут же потопал на кухню на немножко согнутых ногах: шея устала держать голову набок. Вдогонку Эрика спросила:

— Кларин!? А что это за красивейший древний сундук в углу комнаты? У окна такого печального, будто в нём не видно перспектив на будущее. Рядом с балконной дверью, куда часто выходили, но не возвращались. Где на подоконнике...

— Прекрати! — пресёк Кларин. — Ты увлеклась бесконечным описыванием. Я уже понял. Осторожно, а то так и увязнешь в бесконечном описании.

— Ой, главное, чтобы ты не увяз в бесконечном занудстве...

— Это сундук с вычеркнутыми из бесконечного описания словами.

— Что? — Эрике тут же захотелось его открыть, и она подошла к сундуку в несколько шагов.

— Они показались мне лишними. Не открывайте.

— Почему не открывать? — Эрика почувствовала, будто её лишают подарка на Новый Год.

— Я очень расстроюсь. Возможно, даже разозлюсь. Вероятно, точно впаду в депрессию. Некоторые предложения я уже не могу видеть без негативной реакции.

— Ладно.

Эрика была немного возмущена тем, что её идея отредактировала саму себя. Но всё же Кларин был ей самым близким на свете, и обижаться на него нельзя было. А тем более — обижать.

Так Тенешрифт обзавёлся оперативной квартирой в городе N. Теперь ему было, куда возвращаться, чтобы было приятно не возвращаться. Всё как дома.

Глава 3. Говорящее ухо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.